

Берлинский Дада
(По материалам лекции на семинаре Нового Университета, 26 марта 1999)

Михаил Вербицкий

В январе 1917 года, Рихард Хьюльзенбек отправляется в Берлин. В Берлине его встречает паника, коррупция, разложение: идеальная среда для культа новой духовности. Хьюльзенбек немедленно отрекается от полусгнившего в Цюрихе призрака, и заявляет, что новый Дада должен быть радикален, опасен, жесток, реален – как сама Германия. Его возмущает вялотекущий гуманизм Арпа: "... В омерзении от резни Первой Мировой Войны, мы посвятили наши усилия Изящным Искусствам...", ему непонятны и неинтересны карьерные устремления Тцары. И правда, какого рожна человеку с дипломом психиатра делать карьеру в искусстве? Психиатрам больше платят.

Создается Берлинский Клуб Дада: Раул Хаусманн, Вальтер Меринг, Франц Юнг, Георг Гросц, Йоханнес Баадер, Ханна Хох, Виланд Херцфельде. Экспрессионистские картины и коллажи наполняются новым содержанием – в темных углах картин, где люди превращаются в машины или животных или наоборот – наносится секретное слово: "дада". Был изобретен специальный танец "дадатротт", и опубликованы фигуры танца. Дадаисты брали себе новые имена: Маршалдада (Гросц, копировавший одежды и манеры прусского юнкера), Прогресс-дада (Херцфельде – коммунист), Обердада (Баадер, считавший себя правителем мира). Хьюльзенбек был "Майстердада".

Под чутким руководством Хьюльзенбека, дада превратился в политическую доктрину.

Дадаизм требует...

Постепенного введения безработицы путем повсеместной механизации труда во всех областях. Только через посредство безработицы можно осознать безусловность правды жизни и примириться с опытом.

Центральный Совет требует...

Обязательное следование всех учителей и священников дадаистскому символу веры.

Немедленное воздвижение государственного Центра Искусств, уничтожение понятия собственности в новом искусстве (экспрессионизме); понятие собственности полностью исключается сюр-индивидуальным движением Дада, освобождающим человечество.

Введение симультанеистской поэзии в качестве коммунистической государственной молитвы
Установление дадаистского консультационного совета для перестройки жизни в каждом городе с населением больше, чем 50,000 жителей.

Немедленная организация кампании глобальной дадаистской пропаганды 150 цирками для просвещения пролетариата.

Обязательное визирование всех законов и декретов в Совете Дада

Немедленное урегулирование всех половых отношений в соответствии с взглядами международного дадаизма и Сексуального Центра Дада.

(Что такое дадаизм, и к чему он стремится в Германии Рихард Хьюльзенбек, Рауль Хаусманн, 1918)

Тоталитарная программа берлинского Дада воспринималась современниками (и даже, наверное, Хаусманном) как очередной парадокс, но Хьюльзенбек был абсолютно серьезен. Позже он признавался, что готов был продать душу Сатане, чтобы только ее осуществить. Выступая перед смешанной берлинской аудиторией, в которой были и нищие и инвалиды войны, Хьюльзенбек интонирует "Мы всегда выступали за войну, и сегодня Дада продолжает выступать за войну. Жизнь должна вызывать страдание" (Хьюльзенбек и Хаусманн – в моноклях, Гросц – в маске из муки и пасты на лице – карикатуры, нелепо переваливающиеся по сцене – одновременно зачитывают на разных языках: глоссолалия, снисхождение языков).

Спустя два года, в 1920-м, Хьюльзенбек становится идеологом нового движения – брютизма, искусства брют. Брютизм интересовался творчеством негров, нищих, сумасшедших, и других

аутсайдеров художественного процесса. На конвенции психиатров Вольного Города Данцига, (через два года, в 1922, Хьюльзенбек откроет практику в этом городе) он зачитывает лекцию о брютизме.

Проблема души есть проблема вулканическая. Каждое движение естественным образом вызывает шум. В то время как числа и мелодии – символы, отвечающие абстракциям, шум есть непосредственный призыв к действию. Музыка любого сорта – гармонична, артистична, продукт ума – а искусство брют есть сама жизнь. Брютизм нельзя понимать как вещь в себе, как какую-нибудь книгу – брютизм это скорее часть нашей личности, часть которая нападает на целое – на нас, преследует нас, разрывает нас на части. Брют – способ глядеть на жизнь, который призывает нас к принятию абсолютных решений. Та идея, которая привела Америку к рэгтайму, привела современную Европу к конвульсиям брютизма.

На этих словах, Хьюльзенбек встает из-за кафедры, за которой читал лекцию, делает пару шагов гусиным шагом, надевает бумажный пакет на голову, рисует на нем вслепую, прорезает дырки для глаз, достает револьвер и делает семь выстрелов в аудиторию. Те немногие – человек 5 или 6 – которые уже слышали эту лекцию – аплодируют.

Ха. Спасибо. Брютизм – ну, вы понимаете. Брютизм это вроде возвращения к природе. Это музыка, которую играют круги атомов –

(в этот момент из аудитории встает специально приглашенный товарищ Хьюльзенбека и стреляет в него холостыми патронами; тот раскусывает во рту капсулу с красной жидкостью, эрзац-кровь течет по белой манишке. Он падает плашмя на кафедру и из-за кафедры продолжает читать.

смерть – более не спасение души от земных несчастий, смерть стала рвотой, криками, тошнотой. Дадаисты Кабаре Вольтер приняли брютизм, и не подозревая о его истинной философии; на самом деле, они стремились к противоположному: удобству, успокоению души, бесконечной колыбельной, искусству, абстракции. Им хотелось найти моральный предохранительный клапан: "...

В омерзении от резни Первой Мировой Войны, мы посвятили наши усилия Изящным Искусствам," "Что-то типа Кандидов против современности" – что-то типа четырехслойного одеяла. Но дада вырос в существо, стоявшее на голову выше всех присутствующих. Вы понимаете? Мы – психиатры; мы – германцы; мы – читали Ницше; мы знаем, что глядеть слишком долго в глаза чудовищ значит рисковать превратиться в одного из них – ЗА ЭТО НАМ И ПЛАТЯТ.

Интерес Хьюльзенбека к пограничным случаям и откровенной психопатии – ключ к пониманию истории Дада в Берлине. Хьюльзенбек (единоличный диктатор в кадровых и всех прочих вопросах) отказался принять в Клуб Дада Курта Швиттерса, впоследствии прославившегося картинами из склеенных окурков. Хьюльзенбек заявил, что ему неприятна буржуазная физиономия Швиттерса. На самом деле, Швиттерс был богатым идеалистом от искусства, далеким и от нигилизма и от агрессии расщепленного сознания – две крайности, между которыми осциллировало сердце берлинского Дада.

Если верхом циничного нигилизма и контролируемой истерии следует считать Диктатордада Хьюльзенбека, то противоположный полюс занимал Обердада – Йоханнес Баадер. Баадер, перед войной – преуспевающий богатый архитектор 1875 года рождения (гораздо старше остальных берлинских дадаистов), сместился сознанием по мере вступления войны в свои права. Он считал себя Повелителем Мира (от этого – Обердада); в дни более-менее ясного сознания Баадер был Джозеф Смит, основатель мормонизма, а в дни наступления болезни – Иисус Христос. Люди, далекие от брютизма, могут счесть, что Баадер был здоров, и его шизофрения – поза, принятая для усугубления парадокса, что-то вроде требования права писать и какать разными цветами. Но нет, у Баадера был сертификат, удостоверяющий психическую болезнь (лицензия охотника,

называл этот сертификат Хьюльзенбек) – из-за этого сертификата, Баадер использовался остальными дадаистами в качестве живого тарана. 17 ноября 1918 (или 16 августа 1918, или 1917), через 10 дней после объявления Советской Республики в Баварии, Баадер явился в Берлинский Кафедрал. Взгромоздившись на алтарь (или верхом на лошади) Баадер провозгласил:

"ДАДА СПАСЕТ МИР!"

"ХРИСТА – К ЧЕРТУ!"

"КТО ТАКОЙ ТЕБЕ ХРИСТОС? ХРИСТОС ТАКОЙ ЖЕ, КАК И ТЫ – ЕМУ НАЧХАТЬ НА ТЕБЯ"

"НАМ НАЧХАТЬ НА ИИСУСА ХРИСТА"

"ВЫ НАСМЕХАЕТЕСЬ НАД ХРИСТОМ, ВАМ НА НЕГО НАЧХАТЬ"

Есть и другие версии; наиболее радикальная утверждает, что произнесены были слова "ХРИСТОС – ЭТО КОЛБАСА". На следующий день, все газеты обошло заявление о смерти Баадера – на следующий еще, "Обердада Воскрес".

Не следует читать союз между Баадером и Дада как циничную эксплуатацию больного человека; в соответствии с изложенной Хьюльзенбеком доктриной брютизма, распад личности Баадера был естественным следствием, проявлением и идеалом брютизма. Точно так же, как пассионарный парадоксалист Тцара был тем Дада живого искусства, о котором писал Балл – немолодой шизофреник Баадер был Дада брютизма, о котором говорил Хьюльзенбек.

Высшей точкой берлинского Дада (акцией, безупречной как с метафизической, так и с чисто художественной точки зрения) было создание Баадером Общества Христов с ограниченной ответственностью. В своих мемуарах Рауль Хаусманн, ближайший друг Баадера, описывает эту историю так.

В Баадере я видел человека, способного на службе идеи проломить головой кирпичную стену. В июне [1917], нам с Баадером и Францем Юнгом стало ясно, что массы нуждаются в потрясении, способном избавить их от ступора... Я взял с собой Баадера в поля близ Сюденде, и сказал ему "Все будет твое, если ты сделаешь как я говорю тебе. Епископ Бруншика отказался признать в тебе Иисуса Христа, и ты отомстил ему, осквернив алтарь в его церкви. Это недостаточно. С сегодняшнего дня, ты будешь Президент Общества Христов, Ltd., и будешь вербовать членов общества. Ты должен убедить всех, что они тоже могут быть Христом, если пожелают. заплатив 50 марок твоему обществу. Члены общества могут не подчиняться земной власти и будут автоматически не годны для службы в армии. Ты оденешь темно-красные ризы...

Согласно гностикам, Христос – Знающий, человек, осознавший свою божественную природу. Последнее упоминание Баадера в летописи и иконографии Дада такое (из мемуаров Веры Бройдо-Конн, подруги Хаусманна).

[Примерно в 1930] Гитлер был в начале своего [окончательного возвышения]. Одним из наиболее странных симптомов того, что последовало, было невероятное число людей, думавших, что они Христос... У каждого были свои апостолы и ученики. Христы были так многочисленны, что было решено собрать Конгресс Христов, чтобы найти для себя истинного Христа среди самозванцев. Было лето, и в Тюрингии Христы появлялись как грибы после дождя. Собрание было организовано в центре луга, неподалеку от города, и Баадер поступил необыкновенным образом.

Будучи в то время журналистом, Баадер имел пропуск на самолеты Люфтханзы, позволявший ему летать в любое место бесплатно, если он отправлялся на важный митинг в Германии. Он позвонил в компанию, и попросил отвезти его в Тюрингию и посадить в середине луга. Так и было сделано.

Все присутствовавшие на митинге встали и собрались в огромный круг. Вокруг каждого Христа стоял круг почитателей и учеников. Христы направились к середине поля, за каждым ринулись его апостолы: беспорядок давка, столпотворение. Неожиданно в центре поля опускается самолет, из него выходит Баадер и молча уходит прочь.

С окончательным крахом Германской Революции, Хьюльзенбек оставил занятия "искусством". В 1920-х и 1930-х он становится иностранным корреспондентом берлинских газет, берет интервью у Чан Кай-Ши, присутствует на похоронах Сунь Ятсена. В перерывах между путешествиями, он практикует психиатрию. В 1936-м в Гитлер произносит историческую Нюрнбергскую Речь против Дада; к Хьюльзенбеку в дверь стучится Гестапо с вопросом "Здесь ли живет дадаист Хьюльзенбек?" – "Здесь живет врач Хьюльзенбек", – отвечает жена. Хьюльзенбек эмигрирует в Штаты, селится в Нью-Йорке, и живет жизнью уважаемого и высокооплачиваемого психоаналитика до самой смерти. В 1969, за пять лет до смерти, Хьюльзенбек обмолвится: "Я был хорошим доктором, но я был плохим дадаистом..."

В Америке Хьюльзенбека звали Чарльз Р. Хьюбек.